

ского общества всей Европы, поставляла и наибольшее количество романов.

Первым крупным романистом, обработавшим почти все основные сюжеты рыцарских романов, был Христиан из Труа (конец XII в.), автор «Ланселота», «Парсиваля, или сказания о Граале» и ряда других произведений.

Роман о Ланселоте рисует образ идеального рыцаря, бесконечно преданного своей даме. Этой дамой является Гиневра, неверная жена короля Артура. В угоду ей Ланселот совершает самые невероятные подвиги. Безропотно выполняя ее приказание, он даже позволяет на турнире победить себя слабейшему противнику! Сюжет «Парсиваля» представляет соединение рыцарской авантюры с католической мистикой. Здесь идет речь о «священной чаше» (Грааль), заключающей кровь Христа. К обладанию этой чашей стремятся многие рыцари, преодолевая величайшие препятствия, но она дается в руки только безгрешному, чтобы затем вознестись на небо. Любовь Тристана и Изольды, переживающих самые разнообразные приключения в Ирландии, Британии и Бретани, затем погибающих от разлуки, послужила сюжетом для нескольких весьма популярных в XIII в. романов.

Рыцарская литература имеет ярко выраженные классовые черты. Она не дает изображения реальной жизни. Ее герои принадлежат только к высшему классу общества. Если здесь изредка выводятся люди из народа, то они неизменно изображаются самыми отвратительными чертами: они глупы, безобразны, полны злобы. Для характеристики отношения поэтов-рыцарей к «мужикам» приведем отрывок из одной сирвенты Бертрана де Борна:

Мужики, что злы и грубы,
На дворянство точат зубы,
Только нищими мне любы.
Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, не обогретым...

Нрав свиньи мужик имеет.
Жить пристойно не умеет...
Чтоб вилланы не жирели,
Чтоб лишения терпели,
Надобно из года в год
Всех держать их в черном теле...

§ 2

Католическая церковь и папство. Феодалная организация церкви. Борьба папства с Империей. Быт и нравы духовенства. Ереси. Инквизиция. Церковь и народные суеверия. Демонология. Цезарий Гейстербахский и его «Диалоги о чудесах». «Молот ведьм». Вдовские процессы. Нищенствующие ордены. Организация образования. Университеты. Студенчество. Ваганты, или голдиарды. Содержание церковно-феодалной науки. Схоластика и мистика. Фома Аквинский. Рожер Бэкон. Значение схоластики.

В средневековой Европе католическая церковь была могущественной материальной силой. Во всех странах ей принадлежали огромные земельные богатства, в среднем доходившие до одной трети или даже двух пятых всего земельного фонда. Сверх того, она пожинала обильную жатву в виде церковных десятин, принудительных взносов на религиозные цели, добротных даяний и приношений; ни один светский феодал не мог сравняться с духовенством в умении вытягивать последнюю копейку из верующих. Церковь была и могущественной духовной силой. Ей принадлежала монополия устного слова (церковная проповедь), с помощью которой она воздействовала на неграмотные массы, и неограниченные возможности влиять на средние и высшие слои общества через школу, искусство и литературу. Будучи сама составной частью феодального мира, она всеми имевшимися в ее распоряжении средствами поддерживала и охраняла феодальную систему эксплуатации. «Церковь,— писал Энгельс,—

являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя»¹.

Во главе католической церкви стоял римский папа, называвший себя преемником апостолов и наместником Христа на земле. Сначала скромные епископы города Рима, зависевшие от императора и от местных феодалов, папы между VIII и XI вв. постепенно поднимаются до такого могущества, что выдвигают притязание на всемирное господство. Согласно созданной папством теории, не только высшие иерархи церкви, но и светские государи утверждаются и смещаются волей папы. Светская власть королей и императоров — только меч в руках власти духовной. Проводя в жизнь эту теорию (так называемой теократии, т. е. господства духовной власти над светской), папы столкнулись с упорным сопротивлением императоров. Борьба, длившаяся свыше двух столетий, обессилила обоих противников. В XIV—XV вв., когда во Франции, Англии, Испании усиливается королевская власть, высоко поднимаясь над светскими и духовными феодалами, окончательно обнаружилась вся беспочвенность папских притязаний.

Тем не менее папство на протяжении всего средневековья сохранило значительную часть тех позиций, которые были им завоеваны в XI—XIII вв. Светская власть лишилась возможности непосредственно определять выборы пап. Право выборов было закреплено за кардиналами — высшими сановниками церкви, назначаемыми самим папой. В церковных делах воля папы стала решающей. Управление всей католической церковью, централизованное в руках папы, осуществлялось с помощью ряда учреждений («Апостольская камера», «Апостольская канцелярия», «Высший суд по церковным делам»), находившихся в Риме, а также с помощью папских полномочных послов — легатов.

Папа издает законодательные постановления — декреты, сборники которых легли в основу церковного, или канонического, права. Каноническое право, примыкая во многих отношениях к римскому праву, наиболее полно отобращенному в «Кодексе Юстиниана», облегчило проникновение римского права в европейские феодальные государства («рецепция римского права»). Папа может отпустить верующим любые грехи. В его руках ключи от рая. Грешник, купивший папскую отпускную грамоту (индульгенцию), может быть уверен, что царство небесное его душе обеспечено. В папских канцеляриях была выработана специальная такса за отпущение грехов: столько-то за убийство отца или матери, столько-то за насилие, ограбление, лихоимство. За деньги можно было купить не только спасение души после смерти, но и любой приговор папского суда на грешной земле. «Самые большие чудеса в Риме творят мощи святого Золота и святого Серебра», — иронически писал один монах XIII в. В случае конфликта с светской властью, в руках папы имеется грозное орудие — интердикт (запрещение). В стране, на которую наложен интердикт, богослужение прекращается, детей не крестят, браки не освящаются, покойники не отпеваются в церкви. В средние века, когда религия и церковь играли важную роль в жизни широких масс, интердикт рассматривался как настоящее бедствие. В борьбе с отдельными лицами не менее грозным оружием было отлучение от церкви. Отлучение произносил священник в присутствии своей паствы, держа в руках зажженную свечу. Затем он ее опрокидывал книзу, бросал на землю и топтал ногами. С отлученным запрещено было общаться даже членам его семьи. Он оказывался как бы объявленным вне закона. Ему оставалось только смириться, просить у церкви прощения.

Католическая церковь, наряду со своим государем — папой, имела и своих князей, свою аристократию. Это высшие иерархи, или прелаты,

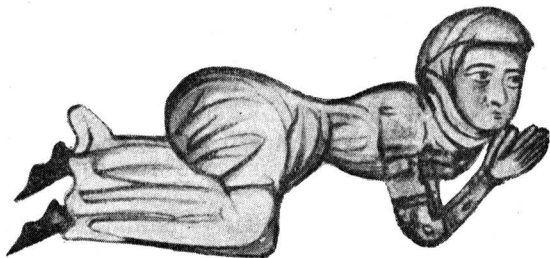
¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128.

церкви: архиепископы, епископы, аббаты и приоры монастырей. По своему происхождению они принадлежали преимущественно к феодальной знати, а по своему положению духовных князей, владеющих крупными феодами, входили в феодальную иерархию. Результатом этого было «обмирщение» церкви: ее прелаты целиком уходят в светские интересы и перестают даже образом жизни отличаться от светских феодалов. Епископы — воины, охотники, пьяницы и кутилы были далеко не редким явлением. Церковные должности приобретаются, как обыкновенный феодал, милостью светского сюзерена, часто за деньги, еще чаще по наследству. Таким образом, иногда оказывалось, что звание епископа получал какой-нибудь малолетний потомок знатного феодала.

Низшее духовенство набиралось главным образом из крестьян и горожан. На его долю приходилась лишь ничтожная часть огромных доходов церкви. Сельские священники, стремясь изыскать дополнительные доходы, выполняли «по совместительству» функции церковнослужителей в нескольких приходах, занимались торговлей, не брезгали и ростовщичеством. По умственной культуре они стояли немногим выше своей паствы. В XII—XV вв. слышны жалобы, что священники не понимают тех латинских молитв, которые они читают. Эти люди, составлявшие почти единственные кадры «интеллигенции» средневекового общества, были в большинстве своем малограмотными.

Их нравственный уровень был также невысок. Католическая церковь, обладавшая громадными капиталами, земельными богатствами и другим недвижимым имуществом, боялась распыления этих богатств среди духовенства. Поэтому было введено запрещение священникам вступать в брак и иметь законное потомство. Это привело к созданию института незаконных поповских жен. Обычно прихожане бывали очень недовольны, если назначенный к ним священник не привозил с собою «экономку», т. е. незаконную жену: это грозило им тем, что новый поп начнет волоочиться за их собственными женами и дочерьми. Среди сельского духовенства широко процветало и пьянство. К этому пороку церковные власти относились, впрочем, весьма снисходительно.

Священник был важным и нужным лицом в приходе. Он совершал магические церемонии — церковные таинства, без которых рождение, брак, смерть являлись как бы недействительными. Прихожане обязаны были ему исповедоваться в своих тайных прегрешениях, и это иногда сообщало ему большую власть над их душами. Он являлся их нотариусом при составлении завещаний, при заключении различных сделок. Он объявлял в церкви приказы начальства. Сельская церковь была вообще центром всей общественной жизни. Здесь устраивались собрания, заключались сделки, шла торговля свечами, облатками, реликвиями, решались судебные дела. Здание церкви обычно являлось маленькой крепостью, здесь укрывались в случае опасности, сюда сдавали на хранение ценности, деньги, товары. Случалось, что все помещение церкви было завалено тюками и бочками.

Типы молящихся. Миниатюра рукописи XIII в.

При всем том духовенство и церковь в целом не пользовались уважением. Церковные ревизоры постоянно жалуются, что народ равнодушен к церкви, не ходит на богослужение; они стремятся добиться того, чтобы хоть один из членов семьи являлся к обедне. Еще хуже, когда массы начинают проявлять

не только равнодушие, но и открытую вражду к католической церкви, выходят из нее и вступают с ней в борьбу. Такие люди, порывавшие с официальной церковью, назывались еретиками; учение, которое они противопоставляли учению церкви, называлось ересью.

В XI—XIII вв. ереси катаров, вальденсов, апостольских братьев и т. д. приобретают массовый характер. Особенным успехом пользовалась ересь катаров (от греческого слова, означающего «чистые»). Катары учили, что земной мир создан врагом бога — сатаной. Плотские утехы, богатство, власть, государство — все это зло, порождение сатаны. Смерть обозначает освобождение души от тела и возвращение на небо, — но не для всех. Души закопавшихся в грехе будут без конца переходить из одного тела в другое. Только «чистые», т. е. катары, сразу после смерти станут ангелами. Ядром катарского учения, его сутью является религиозное отрицание феодального государства и феодальной церкви. Успех катарства свидетельствовал о нарастании протеста масс против общественного неравенства, политического и духовного гнета класса феодалов, — протеста в сущности бессильного, ибо катарство призывало не к активной борьбе, а к пассивному уходу от зла.

Хотя основная масса катаров состояла из мелких ремесленников (особенно ткачей), но к ним примыкало немало купцов, ростовщиков и вообще богатых горожан. Они продолжали вести свой обычный образ жизни, но знали, что перед смертью к ним явится катарский священник и своей магией обеспечит их душам переселение на небо. Катарские священники действительно вели «святой» образ жизни, соблюдая все требования катарского учения: не прикасались к мясу, вину, не владели имуществом, не имели жен и детей. Следовательно, их магия, их таинства являлись в глазах многих куда более действительными, чем обряды развращенного католического духовенства.

В конце XII — начале XIII в. южнофранцузские катары (альбигойцы) вовлекли в свои ряды даже многих феодалов. Южная Франция, родина трубадуров, страна богатых торговых городов, едва совсем не была утрачена для католической церкви. Папа Иннокентий III организовал против альбигойцев крестовый поход, напустил на цветущий край голодное севернофранцузское рыцарство. Катары были уничтожены огнем и мечом, страна разорена.

Менее удачной была попытка папства в XV в. уничтожить путем крестовых походов гуситскую ересь в Чехии (1419 — 1433). Здесь ересь сделалась знаменем революционного и, вместе с тем, национального движения и была подавлена не папством, а силами внутренней реакции. Соединение ереси с революционным движением мы наблюдаем и в ряде других стран: в Италии (восстание дольчинистов начала XIV в.), в Англии (восстание Уота Тайлера 1381 г.), в Германии (крестьянская война 1525 г. и Мюнстерская коммуна).

Для систематической борьбы с ересями церковь выковала в течение XII—XIII вв. страшное оружие — *инквизицию*. Сначала функции инквизиторов, т. е. расследователей дел об еретиках, поручались епископам. Когда же выяснилось, что епископы, поглощенные своими светскими интересами, с этой задачей не справляются, папство начало организовывать спе-

Типы молящихся.
Миниатюра рукописи XIII в.

циальные инквизиционные комиссии и суды, составленные из нищенствующих монахов, главным образом доминиканцев.

Инквизиция арестовывала людей по малейшему подозрению; на основании самого вздорного доноса. Имя доносчика хранилось втайне, доносчики поощрялись путем предоставления им части имущества их жертвы. Попавшему в лапы инквизиции редко удавалось выйти невредимым. При допросе арестованных инквизиция широко применяла пытку. Сначала пытали голодом, лишением сна, затем применяли физические пытки — водою, огнем, вздергиванием на дыбу и пр. Естественно, что таким способом можно было вынудить любое признание. В полубредовом состоянии пытаемый называл первые пришедшие ему в голову имена, чтобы избавиться от мучений, и таким образом оговаривал множество невинных людей. В случае признания и полного раскаяния, еретик приговаривался к вечному заключению и конфискации имущества. Но с конца XIII в. даже раскаяние не спасало жизни: почти все осужденные инквизицией приговаривались к смерти — «без пролития крови», согласно лицемерной церковной формуле, т. е. к сожжению (живьем или с предварительным удушением). Для исполнения приговора осужденные передавались в руки светской власти. Последняя всячески помогала инквизиции, так как видела в еретиках «подрывателей основ» и к тому же получала свою долю из конфискованного имущества.

Инквизиция становится непрерывно действующим учреждением в XV в. в Испании и в XVI в. в Италии. До этого времени органы инквизиции приступали к своей страшной работе лишь там, где обнаруживалось «заражение» ересью. В таких местах прекращалась обычная деловая жизнь: никто не рисковал ссужать кого-либо деньгами или товарами из опасения, что должник попадет в застенки инквизиции. К тому же всеми овладевала паника, так как никто не был гарантирован от доноса.

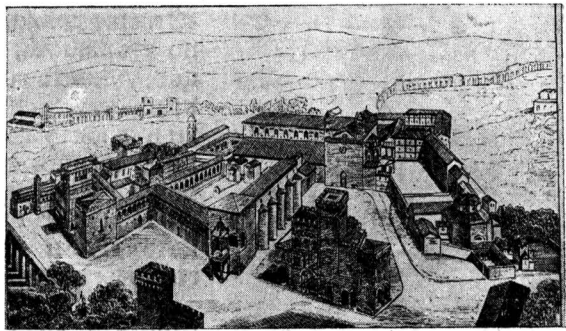
Начиная с XV в. инквизиция, справившись в основном со старыми средневековыми ересями, переключается на борьбу с «ведовством». Процессы и казни еретиков постепенно вытесняются процессами и казнями ведьм.

Вера в бесов, в «нечистого духа», вредящего людям большею частью через посредство ведьм и колдунов, издревле свойственна была темным людям. В начале средневековья, ведя борьбу с устойчивыми языческими традициями, церковь внушала народным массам, что языческие боги — это и есть бесы. Вера в существование чорта, бесов и прочей нечистой силы сделалась как бы догматом католической церкви. Устами своего наивысшего авторитета, богослова Фомы Аквинского, церковь провозгласила в XIII в., что неверие в чорта равносильно неверию в бога. Действительно, свободомыслие в вопросе о нечистой силе влекло за собою религиозное свободомыслие, откуда до ереси был всего лишь один шаг.

Церковные теоретики, богословы, развили целое учение о бесах — демонологию. Церковные литераторы облекли это учение в плоть и кровь живых рассказов о «подлинных» происшествиях, в которых бесы и их сожительницы — ведьмы, играют главную роль. Инквизиция засвидетельствовала актами судебных допросов «правдивость» самых чудовищных и гнусных поклепов, жертвами которых становились десятки тысяч людей, особенно женщин. Так безобидные народные легенды и суеверия церковь обратила в средство терроризирования народных масс.

Наиболее ярким образчиком произведений, с помощью которых церковь пропагандировала веру в реальность бесов и их преступлений, является «Диалог о чудесах» Цезария Гейстербахского, немецкого монаха XIII в. Этот «труд» составил из уроков «закона божия», которые автор давал монастырским послушникам. Бесы Цезария губят людей, принуждают их к сожительству, приняв форму мужчины или женщины, толкают

их на всякие злодеяния. Все это автор якобы видел сам, либо знает от людей, заслуживающих полного доверия. «Бог мне свидетель, — пишет он, — в книге моей нет ни одного вымышленного происшествия». Примером его «правдивых» рассказов может служить следующий отрывок: «В Газельте, городе утрехтской епархии, некая презренная женщина, однажды став на бочку и прыгнув с нее задом, так сказала: «Я прыгаю теперь из-под власти божией под власть сатаны». Дьявол ее тотчас же подхватил, поднял на воздух и на глазах у многих как в городе, так и за городом понес выше лесов туда, откуда она и до сего дня не вернулась».

Папский дворец Латеран в Риме в XIV в.
Реконструкция

В конце XV в. появилась книга двух немецких доминиканцев, Шпренгера и Инститора, «Молот ведьмы». В этой книге сведена в одно целое практика инквизиционных застенков и ходячие суеверия о деятельности нечистой силы. Самая разгоряченная фантазия не в силах вообразить больших ужасов, преподнесенных в наукообразной форме, чем собрано в произведении «ученых» доминиканцев. Неверие в правдивость их рассказов авторы объявляют «величайшей ересью». Эта книга, от каждой страницы которой, по выражению одного историка, «пахнет кровью и жареным человеческим мясом», за короткое время выдержала в различных странах Европы множество изданий.

Связь между борьбой церкви против ересей и развитием учения о ведьмах несомненна. Слугами сатаны обычно изображают еретиков. Колдунов нередко называют именем одной из наиболее распространенных еретических сект — вальденцами. Чтобы подорвать уважение, которым пользовались в глазах народа многие еретики благодаря своей трудовой и беспорочной жизни, церковники не останавливались перед самыми дикими измышлениями. «Ученые» католической церкви производили, например, название катары от слова «катус» — кот, и утверждали, что катары поклоняются дьяволу в образе огромного черного кота, которого они целуют под хвост, а затем предаются свальному греху. Подобные же или еще большие гнусности церковные авторитеты сообщали о шабашах ведьм. Смазав свое тело мазью, в состав которой обязательно входит человеческое сало, ведьма через трубу вылетает на место шабаша. Здесь она пирует в обществе бесов, поедая умученных младенцев, здесь она получает инструкции от своего повелителя — князя тьмы, как вредить людям, изводить их скот, напускать туманы, наводить мор и т. п. Во всех этих действиях схваченные «колдуньи», конечно, признавались сами. Одна из них, 56-летняя женщина из французского города Тура, будучи, очевидно, умалишенной, показала на допросе, что уже много лет жила с дьяволом, имела от него ребенка — наполовину волка, наполовину змею, которого она кормила два года мясом похищавшихся ею младенцев. Несчастную сожгли живьем.

Число подобных жертв не поддается исчислению. Несомненно, оно было огромно. В XVI и половине XVII в. сожжения ведьм и колдунов приобретают еще более широкий характер. В 1616 г. князь-епископ Вюрцбурга издал следующий приказ по своему городку Герольцгофену:

Застенок инквизиции. Допрос под пыткой. Гравюра на дереве XVI в.

«Отныне должны местные власти еженедельно по вторникам, кроме дней великих праздников, учинять сожжение ведьм. Каждый раз их надо ставить на костер и сжигать душ 25 или 20 и никак уже не меньше, чем 15». Сведениями о казнях сотен и тысяч женщин переполнены все хроники этого времени.

Ведьм с одинаковым рвением жгли и католики и протестанты. Лютеранские богословы считали это дело столь же богоугодным, как и инквизицию. В учении Лютера нечистой силе отводится весьма почетная роль; недаром в произведениях этого главы немецких протестантов чорт упоминается чаще бога. Тем не менее нельзя отрицать, что наибольшую ответственность за гибель и разорение сотен тысяч невинных людей несет именно католическая церковь, по инициативе которой начались массовые преследования «ведьм».

Эти преследования развязали алчные инстинкты феодальных властей. Последние увидели в ведовских процессах легкий способ пополнять свою казну. Однако не в этой материальной заинтересованности властей лежит основная причина длительности и массового характера преследований. С помощью ведовских процессов церковные и светские власти терроризировали массу, вылавливали и уничтожали всех неблагонадежных и подозрительных людей. Это был одновременно и способ отвлечь внимание массы, играя на ее искусственно поддерживаемых суевериях, от революционной борьбы с церковно-феодальным гнетом, и орудие реакции — после победы над народным движением — для окончательного искоренения революционной «заразы».

В XIII—XV вв. наиболее видную роль в деятельности инквизиции и в организации ведовских процессов играли доминиканцы. Это были монахи ордена, основанного около 1216 г. фанатичным испанским священником Домиником Гуzmanом с целью борьбы против еретиков. Папство предоставило ордену многочисленные привилегии (право свободной проповеди, право совершать богослужение даже во время интердикта и пр.) и содействовало росту богатств ордена и его могущества. Доминиканцы называли себя «божьими псами», раздирающими зубы тела еретиков.

Церковный проповедник. Гравюра на дереве 1492 г.

Конкурентами доминиканцев были францисканцы, или минориты («меньшие братья»), — монашеский орден, основанный около 1210 г. итальянцем Франциском из Ассизи. Марк характеризует их в своих «Хронологических выписках» следующим образом: «Минориты — нищенствующие монахи-францисканцы с более строгой дисциплиной; не признающие никакого имущества кроме милостыни; строгих нравов; они потому стояли к народу ближе, чем все другие духовные лица...» В XIV в. отко-

ловшаяся часть миноритов, так называемые спиритуалы, выступали против накопления церковью богатств и оказались в резком конфликте с самим папством. Из рядов спиритуалов вышло немало еретиков и участников народных движений.

В общем, однако, и францисканцы и доминиканцы всемерно укрепляли свою деятельность позиции католической церкви, поколебленные ересями. В частности они

Сожжение ведьм в 1555 г.
Гравюра на дереве

помогали церкви сохранить в своих руках командные высоты в области науки и образования. Чтобы вооружиться для защиты феодально-католической церкви, они усердно занимались богословскими «науками». Из их среды вышло много профессоров богословия, в том числе такие светила средневековой церкви, как доминиканцы Альберт «Великий» и Фома Аквинский, францисканцы Рожер Бэкон и Дунс Скот.

Церковная наука средневековья носит название *схоластика*, от латинского слова *схола* — школа, ибо эта наука была создана в школе и для школы, вне которой никакой науки в средневековом смысле слова не было. Вот почему рассмотрение средневековой науки нужно начинать со знакомства с организацией школьного образования.

Как и в предшествующий период, школы XI—XV вв. существовали преимущественно при монастырях и епископских кафедрах и были насквозь проникнуты церковным духом. Обучение вели духовные лица («схоластики»), находившиеся под пристальным контролем епископов и их помощников — канцлеров. Предметами преподавания являлись те же тривиум и квадравиум, которые проходились в прежних школах. Однако уже в XI в. кое-где зарождается высшая школа, где помимо «семи свободных искусств» преподавались специальные отрасли знания — богословие, право и медицина. Так, в Италии возникает медицинская школа в Салерно и юридическая школа в Болонье, во Франции выдвигается Парижская богословская школа и т. д. На основе этих школ XII—XIII вв. вырастают университеты, объединяющие преподавание общих и специальных наук.

Слово университет на средневековой латыни означает всякую корпорацию, т. е. замкнутое объединение людей, наделенное привилегией на занятие определенной профессией. Таким образом, и ремесленный цех нередко назывался университетом. В данном же случае университет — это совокупность «школяров и магистров», т. е. студентов и профессоров. Привилегию заниматься наукой университету предоставлял папа, реже император.

Для императора особое

Получение докторского звания.
Гравюра на дереве XVI в.

Аптека.
Гравюра на дереве XVI в.

значение имел Болонский университет, центр юридического образования в XII—XIII вв. Здесь изучалось римское право, главным образом свод законов Юстиниана (*corpus juris civilis*). Выходившие отсюда доктора права поддерживали и теоретически обосновывали притязания императора на абсолютную власть во всей «Римской империи». Под их влиянием в Германии в XV в. происходит так называемая *рецепция (принятие) римского права*, т. е. официальное признание римского права действующим в имперских судах и других учреждениях Империи в ущерб местному, провинциальному праву и судебным обычаям национального происхождения. Однако в Германии, ввиду слабости центральной императорской власти и в результате сепаратистских стремлений феодальных князей, рецепция римского права не в состоянии

была содействовать национально-политическому объединению страны. Наоборот, во Франции и в Испании юридически образованные чиновники (легисты, *лестрадос*) уже в XIII—XIV вв. играли важную роль в качестве одного из орудий усиления королевской власти, а проводившаяся ими политика внедрения римского права в практику суда и администрации являлась важным фактором централизации управления. Вот почему наряду с Болоньей, юридические факультеты, покровительствуемые королями, очень рано появляются при многих других университетах, в частности в Париже.

Парижский университет в составе четырех факультетов был в течение XIII—XV вв. вообще наиболее крупным центром высшего образования. Самым многолюдным по числу студентов и преподавателей был факультет «искусств», соответствовавший нашей средней школе. Подавляющая масса студентов дальше этого факультета не шла. Сравнительно немногие переходили затем на один из высших факультетов — богословия, медицины или права. Только здесь можно было получить высшую ученую степень — доктора наук. На богословском факультете Парижского университета учились и здесь преподавали самые крупные представители схоластической науки, независимо от их национальности. Точно так же и вся студенческая масса была разноплеменной по составу: она делилась на четыре «нации», из которых одна — «английская» — включала, помимо англичан, немцев, испанцев, чехов, итальянцев и т. д., а остальные три состояли из студентов различных областей Франции. Такая национальная пестрота была возможной потому, что языком преподавания и науки во всех странах был латинский — язык католической церкви.

Среди студентов, наряду с младшими сыновьями феодальных семейств, предназначенными к духовной карьере, и незаконными сыновьями духовных особ, мы находим и выходцев из низов, студенческую бедноту, жившую милостыней и случайными доходами. Наиболее талантливых церковь поддерживала, выдвигала, обращая их в верных слуг господствующего класса, иных же выбрасывала за порог высшей школы. Из последней категории пополнялись ряды так называемых вагантов, или голиардов, — бродячих клириков, недоучившихся студентов, живших буквально изо дня в день подаванием, переписыванием бумаг, составлением писем и тому подобными заработками. Их шумная и буйная ватага служила предметом беспокойства для церкви. Ваганты нередко являлись зачинщиками бунтов, врагами существующих порядков, хулителями церкви. Они оставили многочисленные песни на латинском языке, в которых осмеивается цер-

ковь и воспевается весна, вино, любовь. Знаменита строфа одной из этих вагантских песен:

Мне суждено умереть в кабаке;
Пусть же поднесут вино к устам умирающего.

Или же:

Пьет хозяйка, пьет хозяин,
Пьет солдат и пьют попы,
Пьет тот и пьет эта,
Пьет слуга со служанкой.

Профессора получали обычно не жалованье, а доходы одного или нескольких церковных приходов (пребенды). Часть нуждающихся студентов получала стипендию, которая называлась «бурс» (франц. *bourse*, «кошелек»); отсюда немецкое слово бурш — студент и русское «бурса» — духовное училище дореволюционного времени. Для студентов и преподавателей существовали и общежития, где нередко происходило и чтение лекций.

Лекции не были, как теперь, связным изложением определенной темы. Профессор читал не лекцию: он «читал книгу», т. е. давал пояснения, комментарии к трудным местам таких произведений, как творения Аристотеля (на факультете искусств), «Кодекс Юстиниана» (на юридическом), библия (на богословском факультете) и т. п. Помимо того, устраивались «диспутации», дававшие студентам возможность показать свое искусство спорить и защищать то или иное положение. Раз в год происходили «диспутации» о чем угодно, с участием всего университета. Они длились по нескольку дней и нередко сопровождалась дракой между спорящими. Спорили нередко по самым нелепым вопросам (например: когда свинью ведут продавать на рынок, кто ее тянет — человек или веревка?), но диспутации разрешали иногда и весьма актуальные проблемы. Ричард Миддлтон, английский францисканец и профессор богословия Парижского университета, на своей диспутации 1285 г. поднял вопрос, обязан ли крестьянин повиноваться сеньеру, если последний налагает на него дополнительный налог, не предусмотренный обычаем и не служащий к пользе общественной? Профессор отвечает утвердительно, «ибо сервы и их имущество являются собственностью сеньера, о чем говорит Аристотель в I книге «Политики», указывая, что раб есть скот, а также каноническое право, согласно которому беглый серв должен быть возвращен своему сеньеру». Этот пример достаточно ясно показывает, чьим классовым интересам служила средневековая наука.

Задача схоластики состояла в том, чтобы доводами разума и ссылками на всевозможные авторитеты обосновывать справедливость феодального общественного строя и истинность догматов католической церкви. В развитии схоластической науки бывали моменты, когда она эту задачу выполняла неудовлетворительно, когда она не столько обосновывала, сколько колебала основы веры. В начале XII в. прославленный французский богослов Абельяр, сопоставляя в своей книге «Да и нет» различные авторитеты, показал, что они противоречат друг другу. Он хотел лишь указать, что возможно примирить даже противоречивые утверждения, но церковь нашла его деятельность вредной и подвергла его жестоким преследованиям. К этому времени в схоластической философии выявились две школы — реалистов и номиналистов, которые, в пылу борьбы друг с другом, затрагивали основные догматы религии. Поэтому некоторым наиболее реакционным дея-

Учитель и ученики.
Гравюра на дереве
1505 г.

телям церкви, например Бернарду Клервосскому, вся работа схоластиков казалась подозрительной, и они пытались схоластике противопоставить мистику.

Сущность мистического учения в богословии состояла в том, что истина, раз навсегда данная богом, может быть постигнута не с помощью разума, а только путем совершенствования собственной души. «Гордые разума» противопоставляется смирение, тонкостям схоластической философии «непосредственное познание бога». Церковь вначале поддерживала мистику и провозгласила некоторых представителей этого течения святыми. Схоластика уже потому казалась опасной, что она опиралась на авторитет Аристотеля, произведения которого, ставши известными в Западной Европе через посредство арабских и еврейских философов (Авиценну, Аверроэса, Моисея Маймонида), противоречили «священному писанию». Аверроэс, «великий комментатор» Аристотеля, необычайно популярный среди европейских схоластов, провозгласил, что существуют две истины: одна, заключающаяся в Коране и основанная на вере, другая, установленная Аристотелем и основанная на разуме. Это положение, явно неприемлемое для церкви, которая считала себя обладательницей *всей* истины, вызвало со стороны папства и мистиков гонение на Аристотеля и его арабских истолкователей. Некоторые книги Аристотеля запрещено было читать в университетах.

Однако когда понадобилась усиленная теоретическая борьба с ересями, мистика обнаружила свою несостоятельность. Мистика выдвигала на первый план индивидуальную религиозность, ослабляя тем значение формальной покорности человека церкви и признания ее догматов. Еретики стояли, в сущности, на той же позиции. Основатели ересей XIII—XV вв. сами были мистиками. Именно тогда под крылышком церкви расцветает схоластическая философия. Ее величайшему представителю, Фоме Аквинскому, удалось приспособить Аристотеля к богословию, «примирить» разум и веру. Истина, учил он, одна — и у Аристотеля, и в священном писании. В одном случае она добыта разумом, в другом дана через откровение. Откровение, как источник истины, выше разума, ибо последний может заблуждаться. Если, таким образом, философ оказывается в противоречии с церковным догматом, с откровением, значит он заблуждается и тогда ему необходимо пересмотреть и исправить свои взгляды.

Исходя из этого принципа, Фома Аквинский переработал Аристотеля в церковно-католическом духе. Философия, политика, естествознание — все было приспособлено к католической догматике. Впервые было полностью реализовано основное положение схоластики — «философия (т. е. совокупность всех светских наук) есть служанка богословия».

По всем разделам наук Фома Аквинский дает реакционные выводы. В учении о государстве он защищает монархию против республики; в политической экономии он обосновывает справедливость крепостничества и рабства, а также выступает против денежного хозяйства; в богословии он провозглашает верховенство папы и господство духовной власти над светской; в философии он является сторонником крайнего идеализма. Фома Аквинский, «ангельский доктор», по выражению современников, был канонизирован. Его произведения и поныне являются в католической церкви краеугольным камнем богословского образования.

Научный противник Фомы Аквинского, английский францисканец Рожер Бэкон, принадлежит к передовым представителям схоластики. Он первый выдвинул положение, что для установления истины недостаточно рассуждений, хотя бы построенных по всем правилам аристотелевской логики, а необходимы также опыт и наблюдение. Занимаясь физикой, Бэкон сделал ряд замечательных для своего времени наблюдений в области оптики и рефракции света. Он объяснил происхождение радуги и характер

изображений, получаемых в камере-обскуре. Ему приписывали, — правда, без достаточных оснований — изобретение увеличительного стекла, воздушного насоса и пороха. Бэкон стоял головою выше всех своих современников. Его многочисленные труды по всем областям знания в сущности выходят за рамки схоластики и позволяют считать его наиболее ранним предшественником буржуазной науки Ренессанса. В то же время Бэкон был сыном своего времени. Он отдал дань увлечению своего века лженауками — астрологией, предсказывавшей судьбу человека по движению небесных светил; алхимией, занимавшейся поисками «философского камня» для превращения любых металлов в золото; кабалистикой — еврейским мистическим учением о сокровенном значении чисел.

Пример Бэкона показывает, что уже в конце XIII в. схоластика, как метод познания, изживает себя и перестает удовлетворять наиболее пытливые умы. На определенном этапе она сыграла положительную роль, изоцряя ум средневекового ученого, приучая его в школе формальной логики к тонкой и сложной мыслительной работе. Но сама по себе эта работа оказалась бесплодной. Схоластика ограничивала свою задачу толкованием и обоснованием уже данной истины. Она учила слепо преклоняться перед авторитетами, препятствуя тем развитию критических способностей и поискам самостоятельных путей в науке. Она изучала книгу и отказывалась изучать природу. Свое наивное представление о природе, свое бессилие понять ее явления схоластические ученые прикрывали символикой и мистикой или же тонкими логическими «дефинициями» и «дистинкциями». Все это придает их произведениям видимость необычайной глубины. Но эта глубина обманчива: она скрывает полное невежество. Церкви удалось продлить существование схоластики, превратив университеты в твердыни схоластического образования. Но уже в XIV в. схоластика сделалась мертвым грузом, тяготевшим над умами и, вместе с церковной догмой, задерживавшим прогрессивное движение науки. Поэтому новая наука, наука эпохи Возрождения, в результате упорной борьбы смела схоластику, равно как и породившее ее феодально-католическое мировоззрение.

§ 3

Трудящиеся массы. Крестьянство и его категории. Эксплуатация крестьян и их восстания. Бегство крепостных. Исчезновение серважа и развитие вилланства. Рост производительных сил в деревне. Новые культуры и специализация районов. Возникновение и развитие городов. Улучшение путей сообщения и техники сухопутного и водного транспорта. Организация торговли и кредита. Ломбарды. Евреи, их роль в сфере кредита. Еврейские погромы и еврейское гетто. Подъем ремесленной техники. Организация ремесла. Строение цехов и их историческое значение. Горное дело и металлургия. Коммунальные движения как предпосылка освобождения городов и их развития. Население города. Внешний вид города: укрепления, рыночная площадь, улицы, здания. Отсутствие канализации. Водоснабжение. Освещение. Антисанитарное состояние города. Учреждения общего пользования: трактиры, гостиницы, бани, парикмахерские, больницы. Быт горожан и городские моды. Влияние города на деревню.

Господствующему классу светских и духовных феодалов противостояла масса зависимого и крепостного крестьянства. В начале рассматриваемого периода крепостные (сервы) в большей части Европы решительно преобладали. В «Сатирической поэме Адальберона» (начало XI в.) автор с удовлетворением констатирует, что весь мир разделен на три класса людей: духовенство, которое молится, рыцарство, которое воюет, и крестьянство, которое кормит своим трудом и тех и других. При этом все крестьяне отнесены к категории сервов. Это, конечно, преувеличение. Помимо крепостных, существовали и зависимые крестьяне (вилланы), которые счита-